

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- М. В. АНДРЕЕВ** заведующий кафедрой права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, кандидат юридических наук, доцент
- Х. Н. БЕХРУЗ** профессор кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии (Украина), доктор юридических наук
- С. А. БОГОЛЮБОВ** заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), заместитель главного редактора «Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Н. В. БУТУСОВА** профессор кафедры конституционного права России и зарубежных стран Воронежского государственного университета, доктор юридических наук
- В. Г. ГРАФСКИЙ** главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор
- М. Б. КАСЕНОВА** профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД России (Москва), кандидат юридических наук
- Т. В. КЛЕНОВА** заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
- В. В. ЛАПАЕВА** главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук
- О. В. МАРТЫШИН** профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук
- Л. Г. МАТВЕЕВА** доцент кафедры теории и истории государства и права Одесского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук
- А. А. МОИСЕЕВ** профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Москва), руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук
- Г. Н. МУРТАЗАЕВА** докторант Отдела административного и финансового права института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), кандидат экономических наук, доцент
- Л. А. НУДНЕНКО** профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук
- С. В. ПОЛЕНИНА** заведующая сектором общей теории и социологии права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
- И. В. ПОПОВ** доцент кафедры гражданского права Омской академии МВД России, директор ООО «Юридическая фирма “Магистр”»
- А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ** профессор кафедры юридической психологии и правоведения Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук
- Р. А. РОМАШОВ** научный руководитель юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- А. А. ТАРАСОВ** профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, доктор юридических наук, советник Уполномоченного по правам человека в Самарской области
- И. Л. ЧЕСТНОВ** профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук
- К. ШУЛЬЦЕ** декан юридического факультета, заведующая кафедрой истории законодательства и правовых учений, государственного права Университета Потсдама (Германия), профессор

С. В. ПОЛЕНИНА: — Заседание нашей секции начнется с выступления Хашматуллы Набиевича Бехруза, профессора кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии.

Р. А. РОМАШОВ: — Так как не все из присутствующих знают этого человека, следует сказать о нем несколько слов. Если говорить о космополитизме как об одном из факторов диалога культур и партнерства цивилизаций, то профессор Бехруз является живым воплощением этого явления. Афганец, живущий в Одессе и считающий себя настоящим одесситом, женат на этнической афганке, гражданке Германии; его родители живут в Сан-Франциско, брат — в Лондоне, сестра — в Копенгагене. В этом наглядно проявляется современная глобализация.

Х. Н. БЕХРУЗ: — Первое, что я хочу отметить: диалог культур и партнерство цивилизаций — это очевидный факт. В настоящее время, несмотря на различия между цивилизациями, культурами различных народов, диалог необходим. Однако мы вкладываем в это понятие разный смысл, поэтому диалог у нас не всегда получается.

На Пленарном заседании академик РАН А. А. Гусейнов выступил с интересным докладом, в котором был поднят вопрос о смене стратегии диалога. Основой новой стратегии должна стать толерантность. Но толерантность, по его мнению, также может толковаться двояко. На самом деле надо спокойно относиться к инакомыслию, к тому, что цивилизации и культуры разные. Для того чтобы диалог был плодотворным, необходимо воспринимать другую сторону наравне со своим статусом, своей позицией. Если диалог будет построен на основе диктата, вряд ли состоится разговор на равных.

Вместе с тем здесь существуют две проблемы. Первая связана с тем, что во многих сферах господствует европоцентризм, европейские ценности рассматриваются как краеугольный камень, на основе которого можно построить диалог. В последнее время говорят о том, что необходимо отойти от европоцентризма, но здесь возникает другая проблема — востокоцентризм. Некоторые полагают, что Восток возьмет верх и в экономической сфере, и в перспективах развития цивилизации. Поэтому акценты развития сдвигаются в другую сторону. Это тоже неправильно: мы пытаемся преодолеть одну крайность, но устремляемся к другой. Что может способствовать диалогу? Новая стратегия, о которой я говорил.

Проблематика сближения правовых систем в последнее время не сходит с повестки дня крупных мероприятий, посвященных правовым вопросам. Но сближение правовых систем не самоцель. Дело в том, что ряд вызовов затрагивают интересы всего человечества, и если различные правовые системы смогут совместно предложить какой-то рецепт — это будет полезно представителям всех цивилизаций и культур.

Существует несколько механизмов реализации такого диалога. Самая известная в настоящее время форма сближения правовых систем — формирование региональных правовых пространств. Когда речь идет о региональных правовых пространствах, то в первую очередь все вспоминают европейское правовое пространство, потому что Европа в этом смысле показала пример всему миру. Но вместе с тем возникают сомнения. Страны Европы имеют общую культуру, цивилизацию, общие корни и правовые традиции. А возможно ли формирование правовых пространств, в которые могут войти представители разных правовых систем, культур, цивилизаций? В этом плане имеется интересный пример. На североамериканском континенте располагаются два представителя одной, за-

падной цивилизации — Соединенные Штаты Америки и Канада. Латинская Америка — это другая цивилизация. Тем не менее мы видим примеры сотрудничества в рамках этого регионального объединения. Количество подобных объединений на сегодняшний день увеличивается.

Кроме того, в диалоге правовых систем важную роль играет формирование такого явления, как наднациональное право. Чем оно отличается от международного права? Нормы международного права принимаются на основе консенсуса, и на каждом этапе идет согласование позиций различных государств. Наднациональное право — это когда государство на добровольной основе делегирует часть своих полномочий некоему центру. Далее, в конкретных мерах, момент согласования отсутствует; из центра «спускаются» стандарты, на основе которых формируется общеправовое пространство. В данном случае часто возникают противоречия — интересы транснациональных корпораций не всегда соответствуют национальным правовым интересам.

Что касается правовых средств, то сейчас часто употребляется словосочетание «правовая культура». Я думаю, можно прийти к созданию правовых стандартов, которые не будут затрагивать самобытность национальных правовых культур. Можно выработать механизм, который будет удовлетворять интересам различных сторон. В этом плане правовая культура нации в состоянии способствовать налаживанию диалога, хотя и здесь возможны «перегибы».

С. В. ПОЛЕНИНА: — Хашматулла Набиевич, в контексте разговора о диалоге культур ответьте, пожалуйста: как Вы относитесь к тому, что, хотим мы того или нет, западные ценности и Интернет — это некая объективная реальность? Интернет не может существовать без системы западных ценностей, на которых базируется, и мы рано или поздно их примем.

Х. Н. БЕХРУЗ: — На мой взгляд, цивилизационные западные ценности — это одно, а Интернет — другое. В 2008 году на Лихачевских научных чтениях прозвучал интересный вывод, что, пока Запад способен разрабатывать инновационные технологии, его преимущества будут сохраняться. В технологическом плане, естественно, это необходимо. Даже китайский экономический бум — это всего лишь копирование западных образцов. Технологическая составляющая важна для инновационного развития.

Что же касается моральных ценностей, прав человека, то они декларируются и представителями восточных цивилизаций. Но как только дело доходит до их реализации, проявляется совершенно другая ментальность.

Например, мы говорили о том, какие правовые средства могут способствовать налаживанию диалога. В связи с этим возникает вопрос: но ведь западная цивилизация опирается на право, и оно рассматривается как сильный, чуть ли не единственный регулятор, который, как локомотив, может «потащить» за собой все вагоны и заставить общество двигаться вперед. На Востоке все иначе. Но мне кажется, что здесь тоже можно найти факторы, которые объединят даже, казалось бы, абсолютно разные, противоположные явления.

Восток чрезмерно ориентирован на государственную власть, на государство как собственника. Представители восточной цивилизации остаются при своих ценностях, и цивилизационные основы восточной и западной культур сохраняют различия. По-моему, трудно говорить об объединении цивилизаций вообще, потому что у всех разные основы. Да и нет такой необходимости, чтобы одна и та же система принципов служила фундаментом для развития цивилизаций.

Р. А. РОМАШОВ: — Не считаете ли Вы, что в настоящее время более целесообразно говорить не о партнерстве, а о конфликте цивилизаций? И что при конфликте технократической цивилизации и менее технически развитой всегда в конечном итоге выигрывает та, которая в культурно-техническом плане более примитивна?

Х. Н. БЕХРУЗ: — Американские исследователи пишут, что в XIX веке конфликт цивилизаций основывался на территориальном разделении; в XX столетии — на разных идеологических подходах; в XXI — на религиозных. Хотя идеологическая составляющая остается и в наше время. Выступая на Пленарном заседании, заместитель министра иностранных дел России А. В. Яковенко говорил о том, что в основе диалога должны лежать цивилизационные ценности. Конечно, это сложно, но иного выхода нет.

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Правопорядок любого государства — важный знак его культурной эволюции. Он отражает правовую (юридическую) культуру народа на данном этапе. В условиях глобализации обсуждение национальных правопорядков нужно не только для нахождения общих корней и традиций, но и для определения тенденций развития и особенностей становления национальных правовых порядков. Рассмотрение и сравнение правовых традиций проводится в международном, преимущественно европейском, контексте и является частью общего демократического процесса.

Правопорядок Федеративной Республики Германии — одна из составных частей общественного порядка. Его функция состоит в том, чтобы закрепить неизменные установки и формы, а также ценности и принципы жизни общества. Он охватывает совокупность позитивных, или урегулированных законом, правил, действующих внутри немецкого социума. Основной закон представляет собой базис и важную составную часть всего федерального правопорядка. Конституция суммирует обширный юридический материал и привязывает его к норме — единице широкого спектра действия.

Правопорядок определяется традицией и корнями. В то же время различия внутри правопорядков являются ответом на вопрос об их особенностях или ложных путях политического или правового развития. Правопорядок ФРГ неразрывно связан с развитием европейских и англо-американских правопорядков.

Я хочу рассказать о некоторых особенностях и традициях немецкого правопорядка. Влияние европейского Просвещения XVII–XVIII столетий совместно с внутригосударственными стремлениями к объединению в XVIII веке способствовали кодификации норм в ряде важных юридических областей. Поэтому правовые документы, такие как Германское гражданское уложение, Торговый кодекс, кодификации гражданского процессуального права наложили на немецкое право отпечаток кодифицированного правопорядка.

Свод гражданских законов ФРГ входит в континентальную юридическую семью и отражает ее основные ценности. Как и все правопорядки в рамках континентальной правовой системы, немецкое право вплоть до настоящего времени испытывало сильное влияние римского права. Показательными являются заимствования XVIII века, которые послужили основой современного гражданского права Германии.

Но современное состояние немецкого права нельзя рассматривать безотнотительно к печальным событиям, которые имели место в ходе национал-социалистской диктатуры и катастрофы правового порядка, имевшей место с 1933 по 1945 годы. Вследствие данных явлений немецкое

право и правопорядок утратили западноевропейские корни, остались за пределами европейской традиции и юридической культуры. Сегодня нормы законов, правовая система и правовая практика Германии ориентированы на предотвращение подобных преступлений и массовых нарушений прав человека, поэтому наша Конституция содержит основы и других отраслей права. Не в последнюю очередь из-за массовых правонарушений в период господства национал-социалистов важную часть современного немецкого права составляют основные права человека и принципы правового государства.

Объединение стран Европы в Европейский Союз способствует унификации национальных юридических разработок: на сегодняшний день вряд ли имеется хотя бы одна область немецкого права, которая полностью или частично не была бы охвачена правовым регулированием норм права ЕС. Можно даже говорить о том, что право Европейского Союза само по себе является самостоятельным правопорядком, но оно тесно связано с правопорядками государств — членов ЕС.

И в заключение я хочу сказать несколько слов о конституционном праве и его основополагающем значении для правопорядка ФРГ. Основной закон — это основа немецкого государственного законодательства. Он устанавливает правовой порядок внутри федеральных земель, определяет полномочия и иерархию внутри государства и в то же время закрепляет важные составляющие федерального правопорядка. Основополагающий принцип, заложенный конституцией, — неприкосновенность человеческого достоинства. Он стал особенно актуален после того, как Германия пережила национал-социалистическую диктатуру, когда права человека грубо попирались и правопорядку Германии был нанесен ощутимый урон.

Что такое человеческое достоинство? Это внутреннее и в то же время социально-ценностное качество, неотделимое от человека. Уважение к человеческому достоинству гарантирует, что человек — не объект, а субъект государства. Защита человеческого достоинства означает, что государство должно сделать все, чтобы противодействовать нарушениям и унижению человеческого достоинства. На это ориентирован весь правопорядок Германии.

Также в немецкой Конституции закреплены определенные конституционные принципы. Законодательных структурных принципов пять: республика, демократия, правовое государство, федерализм и социальная государственность. К основополагающему определяющему принципу Германии относится принцип правового государства, и в нем отражено понимание образа Федеративной Республики Германии. Правовое обоснование означает, что право есть основа и норма любых государственных действий; что все действия государства основаны на принципах, которые определяют правовое государство; что происходит кооперация всех правовых действий государства. Это основные права, непосредственно действующие в отношении государственной власти, законодателей и органов исполнительной власти.

К принципам правового государства также относится судебная защита граждан (при помощи традиционных судов и Конституционного Суда). Сюда же входит так называемая защита доверия, которая означает сохранение действия предписаний закона на определенном отрезке времени на определенной территории в отношении определенного круга лиц. К принципам правового государства также относится возмещение как система ответственности государственных органов при юридических нарушениях интересов гражданина.

М. В. АНДРЕЕВ: — Насколько я понял, правопорядок, общественный порядок в основном строятся на

национальных культурных традициях Германии. Госпожа Шульце, скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к стремлению Евросоюза, Североатлантического альянса к расширению? Ведь оно предполагает вхождение в эти организации слишком разных государств. Каково Ваше отношение к этому процессу, перспективам его развития?

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Я считаю, что расширение Евросоюза — необходимый процесс, хоть он и связан с правовыми и культурными проблемами. Это хорошо видно на примере дискуссии о вступлении Турции в ЕС: здесь мы имеем дело с совершенно другой — исламской — культурой. В немецком правительстве развернулась бурная дискуссия, посвященная вопросу членства Турции в Евросоюзе: будет она полноправным членом ЕС или просто партнером. По моему мнению, Турция не должна иметь особых привилегий. Что касается права, то, как отмечал предыдущий докладчик, оно должно обеспечить мирное решение конфликта, для этого оно и существует.

Т. В. КЛЕНОВА: — Госпожа Шульце, как в условиях относительной самостоятельности европейского правопорядка и правопорядка Германии решается проблема возможного конфликта норм, то есть коллизии или конкуренции? Какие нормы в случае конфликта имеют приоритет или преимущество — нормы европейского правопорядка или германские? Спасибо.

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — В нашей Конституции записано, что европейский правопорядок стоит выше национального правопорядка.

Однако в действительности Германия все время пытается привести европейские правовые нормы в соответствии со своими. Но в этом случае, конечно, следует соблюдать ограничения, потому что существует Европейский суд по правам человека и необходимо выстраивать основные направления своей внешней политики в соответствии с интересами Европы. Создается такая ситуация, что материальные вопросы решает Европа, а конкретные немецкие правовые вопросы — немецкие суды.

А. А. ТАРАСОВ: — С какими проблемами столкнулся немецкий правопорядок после объединения Западной и Восточной Германии?

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Специалисты полагают, что правопорядок бывшей ГДР еще 10 лет будет существовать в прежнем статусе, а потом постепенно станет подстраиваться под правопорядок ФРГ. Политическое развитие этого процесса не оправдало ожиданий, все стало развиваться иначе, чем предполагалось.

Можно говорить о том, что процесс «опередил» прогнозы ученых. Восточные немцы как бы передали свой правопорядок ФРГ, то есть часть правопорядка бывшей ГДР ныне существует в ФРГ. Отношения между Восточной и Западной Германией определялись двусторонними договорами и соглашениями, в которых осталось мало юридических предписаний ГДР. Восточная Германия была недовольна этим.

В ГДР не было правовой системы федеративного государства. Конечно, восточным немцам сначала было сложно осознать это. При социализме не было частной собственности, и им было трудно привыкнуть к новой ситуации. Например, бывшие граждане ГДР потеряли свои дома (около 80 % населения) в окрестностях Берлина, так как они перешли в собственность бывших владельцев из ФРГ. На этой почве возникали конфликты. То есть в правопорядке ГДР не было положения о возмещении ущерба, передаче собственности в качестве компенсации.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Госпожа Шульце, существуют ли различия в трактовке принципа правового государства (которому скоро исполняется 200 лет) в Германии и других странах, где он закреплен?

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Я думаю, что немецкое государство можно характеризовать как правовое. В Германии для разрешения споров во всех случаях и ситуациях привлекаются суды. Это отличительная характеристика немецкого федеративного государства.

С. В. ПОЛЕНИНА: — В связи с выступлением Каролы Шульце хотела бы отметить, что когда она говорила о канцлере ФРГ, то произнесла название должности так, как сказано в специальном указе, — *Kanzlerin Bundesrepublik* (то есть, если переводить дословно, «канцлерша»). Я буду говорить о том, как происходит конвергенция правовых систем, если на нее посмотреть с точки зрения практической проблемы — гендерной.

Российские юристы много занимаются вопросами гендерной политики. Как правило, освещаются такие моменты, как источники, формы, правоструктуры и т. д. В этом плане сделано достаточно много, но в последнее время во многих странах усилилось внутреннее напряжение.

Специалисты, занимающиеся сравнительным правом, все больше говорят о необходимости различения двух видов отношений. Есть социально нейтральные области права, например право собственности. Проблемы, связанные с собственностью, регулируются законом. Но еще существует ценностно обремененные отношения, с которыми всегда связано много проблем. Здесь можно выделить два вида отношений — это уголовное и семейное право. Последнее неудивительно: в истории человечества вопросам, связанным с семьей, детьми, женщинами, всегда уделялось большое внимание. В этих вопросах население стремилось ограничить влияние государства. Не случайно в исламском праве существует понятие «частный статус», связанное с семьей, браком, разводами, то есть с тем, что соотносится с семейным правом.

Один из самых острых вопросов — о том, как взаимодействуют правовые системы. В Уставе ООН записано, что мужчины и женщины имеют равные права. Следовательно, не может быть такого положения, которое наблюдается во многих мусульманских странах, что любой старший родственник (даже не отец) решает вопрос о том, кто должен стать мужем подрастающей девушки.

Равноправие мужчин и женщин прописано также во Всемирной декларации прав человека, в двух пактах 1966 года, которые были приняты одновременно (второй из них касался и культурных проблем). В 1979 году была предпринята попытка решить эту проблему на уровне международного права — в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. С юридической точки зрения она имеет одну особенность — все предыдущие документы, в которых говорилось о равноправии, имели в виду только индивидуума, а в этой Конвенции впервые в праве появилось новое понятие — коллективные права.

Однако впоследствии международное право мало обращалось к решению этого вопроса. В 1993 году в Вене была проведена Всемирная конференция по правам человека. В России об этой конференции почти не упоминают. А в Венской декларации и программе действий (в 18 пункте) было сказано, что права женщин и девочек (я подчеркиваю это, потому что более всего невинно страдают маленькие девочки) являются неотъемлемой частью прав человека. На этой конференции рассматривались два вопроса: о правах малочисленных народов и о положении женщин во всем мире. После этого наука

продолжала исследовать вопрос, как относиться к положению женщин в мусульманских странах. Я хочу порекомендовать интересную статью «Что написала Беназир Бхутто в своей последней книге», опубликованную в журнале «Свободная мысль» (2009. № 1). В статье говорится (по существу это аннотация к книге), что Б. Бхутто поставила интересный вопрос: почему так произошло, что мусульманский мир стал развиваться в другом направлении по сравнению с христианским? Когда-то христианство было агрессивным, старалось все подчинить своему влиянию. Затем его основным свойством стала толерантность. А мусульманский мир, наоборот, пошел в другом направлении и пытается не просто проявлять активность, но и доминировать. Б. Бхутто связывает это с тем, что во многих мусульманских странах у власти находятся такие силы, которые стремятся быть как можно более авторитарными, в том числе используют для этого приниженное положение женщин. Почему именно женщин? Потому что они, как правило, неграмотные и у них нет собственности. В этом власти могут сделать многое.

Но вернемся к практическим вопросам. Специалисты, занимающиеся сравнением правовых культур, отметили, что в мире имеется 12 практик, по которым то, что существует в исламском мире, не соответствует тому, что происходит в других цивилизациях. Из 12 практик семь (то есть больше половины) касаются прав женщин. Я называю лишь две из семи, которые можно связать с российской действительностью: 1) полигамный брак; 2) мусульманские платки (хиджабы). Верховный Суд РФ разрешил их носить. Это принципиальный вопрос. Верховный Суд, видимо, забыл, что написано в ст. 15 Конституции РФ о приоритете международной нормы. В Конвенции 1979 года в п. f ст. 2 написано, что государство обязано «принимать все соответствующие меры... для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин».

Недавно президент Чеченской Республики обратился в Общественный совет (это был хитрый ход с его стороны) с вопросом о разрешении многоженства, мотивируя его тем, что в республике мало мужчин. А ведь проблема решается просто: надо запретить кровную месть. Это не первый случай в российской практике. В Ингушетии Р. Аушев уже вводил институт многоженства. Особенно приятно отметить, что первой, кто признал это неконституционным, была женщина-ингушка, член Верховного суда Ингушетии. Аушев предпринял следующую попытку — изменить Семейный кодекс. В данном случае я выступала в качестве эксперта. Я неслучайно говорю о кавказских проблемах: мы допускаем много послаблений в этом вопросе, в то время как необходимо подумать о возможных последствиях.

Х. Н. БЕХРУЗ: — Не подрывает ли основы семейных ценностей то, что в европейских странах женщины более защищены и у них больше прав, чем у мужчин? Это проблема общедемографического характера и вообще западной цивилизации.

С. В. ПОЛЕНИНА: — Ваш вопрос связан с традицией отношений между мужчинами и женщинами в условиях различных правовых культур. Мы привыкли, что в исламской культуре один мужчина может иметь четырех жен, а если кто-то возражает, то ему предлагают почитать Коран. Но традиции меняются.

Я не была в Афганистане, но с интересом слежу за тем, что там происходит. Для меня стало полной неожиданностью, что до того, как советские войска вошли в Афганистан, он считался одним из передовых мусульман-

ских государств (и в отношении женщин тоже), так же как бывшие советские среднеазиатские республики. Но все это уже в прошлом. Когда к власти пришли талибы, они запретили женщинам работать, выходить на улицу без сопровождения лиц мужского пола и т. д.

Здесь уместно вспомнить то, о чем говорили Бхутто (в своей книге, судя по статье) и А. Яковенко, — что любые направления в религиях можно воспринимать не слишком серьезно, без надрыва и попытки принуждения. Американцы в Афганистане попытались изменить ситуацию, даже создали специальные школы для девочек, но их взорвали одними из первых. После того как американцы оставляли какую-нибудь территорию, особенно на границе с Пакистаном, там все начиналось заново.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Светлана Васильевна, является дискриминация универсальным или контекстуально, культурно окрашенным понятием? Ведь если большинство женщин не считают ношение чадры или хиджаба ущемлением своих прав, может быть, это и не дискриминация?

С. В. ПОЛЕНИНА: — Два года назад в Комиссии по правам женщин Европейского Союза депутат из Азербайджана выступала с докладом о положении женщин в странах Европы. Я была экспертом на том мероприятии. Она задала аналогичный вопрос. В ответ я спросила: «За что борется Европа?» Европа борется за права и свободы человека. Если женщина хочет жить четвертой женой у какого-то мужчины и он при этом выполняет то, что положено по исламу (кормит, обеспечивает жильем), — это ее личное дело. Но государство не должно стоять на позиции, что это нормальные, естественные отношения.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Тема моего выступления — правовые традиции. Этот термин впервые появился в европейской литературе в 1980-е годы. В начале 1990-х мною была написана брошюра «Русская государственность: традиции и обновление». Эта тема важна для понимания расхождений и конфликтов, диалога и партнерства культур.

Я хочу высказать несколько своих суждений по поводу идей, прозвучавших на Пленарном заседании. По-моему, присутствует все: и диалог, и конфликты, и партнерство культур. Общение — это уже диалог. Поэтому дискуссия о том, что из всего этого главное, несущественна — надо обозреть все одновременно, причем исторически и, может быть, фрагментарно, потому что есть носители культуры. Одно дело — общение глав государств, другое — общение исследователей, ученых, третье — туристов и т. д. Законодатель, у которого на столе лежат разные папки — дореволюционные, советские и постсоветские законы, европейские законопроекты — тоже наблюдает своеобразный диалог.

На мой взгляд, актуальная в настоящее время тема глобализации является фрагментом большой темы диалога, партнерства и конфликтов культур. Но, к сожалению, она обсуждается фрагментарно. У нас еще не создано традиции, которую можно назвать, если воспользоваться терминологией Д. С. Лихачева, прогрессивной линией в истории русского правоведения. Однажды эта тема возникнет, и сравнительное правоведение станет генеральной прогрессивной линией. Но сейчас этого нет.

Я размышлял над тем, что представляет собой правовая культура в общении с другими правовыми культурами. Культура предстает атрибутом человеческого достоинства; диалог — это общение равнодостоинных культур, а правовая культура — это общение равнодостоинных субъектов права. Интересно посмотреть, как это выглядит в разных государствах. Например, в Древней Греции существовал термин, который Михаил Гаспаров удачно

перевел одним словом «равнозаконие», а не привычным словосочетанием «равенство перед законом». У греков общение происходило на равных — это было равнодостойное общение, равноуважительное положение каждого из участников правового общения. Но философский, исторический взгляд на эти вопросы пока не сформирован.

В. В. ЛАПАЕВА: — Владимир Георгиевич, Вы сказали, что глобализация у нас представлена фрагментарно. Скажите, пожалуйста, в каких фрагментах она проявляется? Глобализация — явление национальное, народное?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — В России, к сожалению, нет сравнительного правоведения, как, собственно, и темы глобализации. Поэтому я считаю, что изучение глобализации имеет спорадический характер — это фрагментарное изучение с пропусками и креном то в одну, то в другую сторону. Именно это я имею в виду.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Темой своих размышлений я избрал соотношение права и этики в экологии. Это давний вопрос, и для нашей профессиональной аудитории соотношение разных социальных норм — морали, нравственности, этики и права — пройденный этап, но применительно к экологии он имеет свою специфику и актуальность.

Конечно, все отрасли российского права так или иначе содержат этические нормы. Однако случилось так, что в экологическом законодательстве они применяются в максимальной степени. Для этого имеются объективные и субъективные причины. Даже в законе «Об охране окружающей среды» есть такие понятия, как экологическая культура, экологическое просвещение, этика. Главный экологический постулат — граждане должны думать об охране окружающей среды для настоящего и будущих поколений, об обеспечении биологического разнообразия, о сохранении естественных экологических систем — не является чисто юридическим, а имеет в основном морально-нравственный характер.

Десятилетиями писались диссертации о воспитательном значении нормотворчества, законов, декретов и других нормативных актов. Но избыток нравственных пожеланий приводит к тому, что российское законодательство вообще и экологическое в частности не отличаются большой эффективностью.

Простейшие механизмы перехода к рынку, не обеспечивающие подлинной конкуренции, и социально-экономический кризис, сталкивающий экологию и экономику, обостряют проблему состояния окружающей среды. У слов «экология» и «экономика» общий корень — «эко», но они находятся в антагонистическом противоречии друг с другом. Все уговоры, что надо думать о состоянии природы, птичках и цветочках, несостоятельны, когда речь идет о прибыли (а экология — это всегда вычет из доходов). И сегодня выбор зачастую делается не в пользу окружающей среды.

Это можно было бы «списать» на отечественный менталитет. Но европейские и американские «экологические» законы также содержат много призывов, не подкрепленных юридическими санкциями. Тем не менее внимательный их анализ и сравнительное правоведение привели к подкреплению всех этических экологических требований соответствующими правовыми процедурами. В частности, в США были приняты законы об административных процедурах в экологическом законодательстве. В Европе разработаны статьи о возмещении ущерба, об исках граждан и общественных объединений по поводу приостановки и прекращения деятельности экологичес-

ки вредных предприятий. Предприятия, пренебрегающие этическими и соответствующими правовыми юридическими требованиями в области экологии, доведены до банкротства. Таким образом, речь идет не о менталитете. Каждое требование, если оно является юридическим и нуждается в исполнении, должно подкрепляться соответствующими санкциями. Неслучайно мы говорим о гипотезе диссолюции.

Наверное, среди нас нет ни одного человека, который выступал бы против сохранения природы. Тем не менее отношение к экологическим требованиям значительно различается по группам населения. Как это ни парадоксально, количество предприятий, остановленных вследствие нарушения экологической ситуации, в России неизменно уменьшается, потому что основными противниками приостановки их деятельности являются работающие на них люди. Всеобщее требование жить в чистой среде проигрывает, сталкиваясь с необходимостью получения заработной платы. Этические соображения, что окружающая среда — общее благо, отступают на второй план.

Можно сделать следующий вывод: в настоящее время имеют место знания о соотношении социальных и правовых норм. Но в экологическом праве их применение должно быть практическим: сопровождаться быстрой переработкой нормативных актов в области охраны окружающей среды, направленностью от общих призывов, декларации к конкретным юридическим требованиям с наличием всех составных частей юридической нормы.

И. В. ПОПОВ: — Сергей Александрович, какое место Вы отводите уголовному праву в экологической сфере?

С. А. БОГОЛЮБОВ: — В Уголовном кодексе РФ 1996 года существует 26-я глава под названием «Экологические преступления». Но юристы-экологи включают некоторые главы и статьи из других отраслей права либо в сложную, либо в составную, либо в комплексную отрасль экологического права (тут можно дискутировать). Ясно, что экологическое право без административного, уголовного подкрепления действовать не может. Самое главное — что статьи 26-й главы УК РФ мало применяются на практике. Одна из часто используемых — статья о лесном браконьерстве. В год по этой статье осуждаются около тысячи человек — и это при массовом вывозе древесины на востоке и северо-западе страны!

С. В. ПОЛЕНИНА: — Сергей Александрович, может быть, во многих случаях надо перейти от уголовной ответственности к административной, то есть к штрафам. Например, в США, как и в других странах, случается насилие в семье. Там борются с этим в первую очередь при помощи штрафов. И это действует: человек лучше разведется, чем будет дома устраивать скандалы. Это тот случай, когда экономическая санкция оказывается более рациональной.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Проблема декриминализации наказания выходит за рамки экологического права. Уголовный кодекс 1996 года принимался под знаком декриминализации наказаний, но спустя 13 лет был дополнен изменениями, которые усиливают наказание. И сейчас министр юстиции, в чьем ведении находится исполнение наказаний, и многие другие юристы полагают, что не нужно сажать в тюрьму.

В США за экологические административные правонарушения присуждаются огромные штрафы, исчисляемые десятками и сотнями тысяч долларов. Там работает блестящий инспекторский состав. Мы, конечно, выступаем за то, чтобы и у нас была введена такая система.

Н. В. БУТУСОВА: — Применение штрафных санкций сильно осложнено. Оно осуществляется в русле последующего заключительного социального контроля. Возможно, приоритетными с точки зрения социального управления должны быть так называемый предварительный контроль и правовое воспитание? Какие меры принимаются в этой области? Достаточно ли их? Выскажите, пожалуйста, свою точку зрения о формах и путях такого правового воспитания.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Конечно, предварительный контроль и правовое воспитание — генеральный путь борьбы с экологическими правонарушениями. Но этим путем наша страна идет уже 50 лет, начиная с принятия в 1960 году закона об охране природы, и предстоит еще долгий путь, который мы должны пройти вместе.

Главным профилактическим средством с 1990 года является предварительная государственная экологическая экспертиза всех проектов, связанных с вмешательством в природу. С 2007 года согласно Градостроительному кодексу РФ была исключена экологическая экспертиза в отношении населенных пунктов, потому что для бизнеса это дополнительное бремя. А населенные пункты и есть главные загрязнители, предприятий вне населенных пунктов строится не так много. Мы, юристы-экологи, сейчас ведем борьбу за восстановление экспертизы при населенных пунктах. Добились восстановления ее действия в зонах особо охраняемых природных территорий и особо опасных объектов. Но сегодня даже особо опасные объекты пока не подвергаются предварительной государственной экологической экспертизе.

В. В. ЛАПАЕВА: — В своем выступлении я хотела бы оттолкнуться от публикации шотландского профессора Стивена Уайта «Диалог демократий», представленной в сборнике рабочих материалов. В ней речь идет о том пока гипотетическом диалоге между Россией и Европой, в ходе которого могли бы выработаться такие подходы к формированию модели демократии, которые устроили бы обе стороны. Автор статьи политкорректно говорит о том, что Европа должна сделать первый шаг и признать, что в ее политической практике встречаются случаи, которые не вписываются в представления о демократии, и обсуждать эти проблемы. Речь идет о двойных стандартах и т. д. В то же время необходимо, чтобы Россия тоже выступила с достойной концепцией демократии.

Владимир Георгиевич Графский справедливо сказал о том, что диалог предполагает взаимное уважение достоинства, но участвующие в нем стороны должны быть достойны этого диалога: говорить на соответствующем языке, выступить с достойной концепцией. Вот об этой концепции, с которой Россия могла бы выступить, я и хотела бы кратко рассказать.

Прежде всего следует упомянуть о том, что за короткий постсоветский период в России сменились три официальные доктрины демократии. Вначале была взята установка на праволиберальную демократию, то есть на классическую либеральную правовую демократию западного образца. Однако носители этой идеи, отстаивая ее в политико-правовой плоскости, в сфере экономических отношений продемонстрировали ярко выраженный своекорыстный элитаризм. Приватизация общенародной некогда собственности была проведена в интересах очень малой прослойки общества.

В этой ситуации неизбежным было усиление авторитарных тенденций, которые на идеологическом уровне привели к появлению концепции управляемой демократии. Эта концепция имеет много сторонников. Существующие в России в большом количестве идейно-политичес-

кие течения охотно ее подхватили, потому что в основе этой концепции лежит отход от принципов либеральной демократии, базирующейся на признании универсального характера прав человека.

В России новые теории наложились на старые идеи коммунистов (которые всегда говорили, что коллектив важнее личности), державников (для которых государство стоит над гражданином), евразийцев (для которых право народа выше права человека) и, наконец, Русской православной церкви (которая тоже недавно объявила, что есть ценности, стоящие выше права, во всяком случае не ниже). На этом тезисе я хотела бы остановиться, потому что он прозвучал в разных выступлениях. В Конституции РФ прописан приоритет прав человека, но это не означает, что данный приоритет для отдельного человека может быть выше нравственных и религиозных ценностей. Здесь я согласна с Русской православной церковью. Однако для государства право человека выше, потому что как только государство отступает от него, оно вступает в сферу произвола, какими бы нравственными ценностями оно при этом ни прикрывалось.

Концепция «управляемой демократии» получила в России много сторонников, но просуществовала недолго, потому что налицо была ее ущербность, и сменилась более агрессивной концепцией «суверенной демократии», которая утверждает, что именно она является настоящей. Эта концепция тоже имеет много сторонников. Она наполнена смыслом, потому что слово «суверенная» фиксирует наиболее болезненную точку глобализационных процессов, в которой пульсирует нерв этих процессов. Речь идет о том, что формируются новые принципы мирового правопорядка, которые предполагают изменение прежней системы государственного устройства, сложившегося в результате Версальского мира несколько столетий назад на европейском пространстве. Эти процессы характерны для национальных государств, где право есть результат политического процесса, в котором действуют разные политические силы и в результате формируется общая воля. Согласно принципу формального равенства это и есть право. На наднациональном уровне пока не задействованы в должной мере демократические механизмы правообразования, и зачастую решение принимается на уровне европейской бюрократии. Такие опасения высказывают противники европейской интеграции, которые критикуют эти процессы с правовой точки зрения.

Россия также критикует эти процессы, но с точки зрения силовой концепции суверенитета. У России, как известно, только два союзника — армия и флот. Эта позиция основана на понимании права как права сильного. До настоящего времени наша страна действовала на международной арене, основываясь именно на данном принципе. Это невыигрышная позиция, на языке силы с нами разговаривать никто не станет. Может быть, такой подход адекватен современной политической практике, но если мы хотим разговаривать с миром, а не быть, как говорит Сурков, тем, кто «слушает, а потому слушается», то должны принять тот язык, на котором с нами будут общаться, — язык концепции правовой демократии и правового суверенитета. Именно с учетом этих доктрин следует строить диалог России с Европой.

Я считаю, что при всем своеобразии Россия должна не пугать мир своей доморощенной самобытностью, а встраиваться в общий вектор правового развития. Иначе мы останемся на обочине и будем кричать о том, какие мы великие, своеобразные, евразийские и так далее, но нас никто не услышит — все уйдут вперед.

Л. Г. МАТВЕЕВА: — Валентина Викторовна, не кажется ли Вам, что предложенная Вами классификация

моделей демократии отражает крен вправо, усиление консерватизма в идеологии и поведении российской политической элиты? Это нашло отражение в концепции управляемой, или суверенной, демократии, которую в определенной степени обусловили неудачи тех либеральных технологий, которые изначально пытались «отработать» на нашей стране, и несформированность некоторых институтов, например эффективной партийной системы, без которой, наверное, праволиберальная модель демократии не может работать.

В. В. ЛАПАЕВА: — Я сказала не только о том, что это отражает деградацию модели демократии, но и о том, почему это произошло, — потому что не были найдены точки соприкосновения демократии и либерализма в вопросах собственности. Население вновь отвернулось от власти, поскольку вопрос о собственности был решен не в пользу населения, и власть пошла по пути авторитаризма, и стала неизбежной ликвидация многопартийности.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Почему недостаточно принципов международного права, приоритет которых провозглашается?

В. В. ЛАПАЕВА: — Что такое международное право? Это прежде всего нормы. Например, страны договариваются о том, как им использовать прибрежный шельф, — это договорные нормы. Но международное право основано на приоритете прав человека. В настоящее время Запад определяет, что такое права человека, причем часто это решается на уровне не международных норм, а национальных международных стандартов, которые трудно назвать правовыми нормами, потому что они выработаны (по процедуре) на основе не демократического волеизъявления равноправных партнеров, а тех или иных решений европейской бюрократии. Россия в настоящее время от этого процесса правообразования изолирована, нам необходимо в него активно включиться.

Т. В. КЛЕНОВА: — Я хочу продолжить разговор о национальных правовых культурах и международном праве в контексте глобализации. Моя область деятельности — уголовное право. Сегодня это сфера правовых знаний, в которой конфликтно взаимодействуют национальная и международная правовые культуры. Можно высказать предположение относительно того, почему именно в уголовном праве проблемы взаимодействия стоят особенно остро. Я не думаю, что это связано с тем, что преступность имеет национальную окраску. Скорее причина кроется в том, о чем говорила Светлана Васильевна Поленина: уголовное право относится к ценностно обремененным отраслям права. В уголовно-правовых нормах ярко проявлена воля того, кто имеет возможность диктовать правила с позиции силы. Если речь идет о внутригосударственном праве, то носители власти активно регулируют даже те сферы, в которых уже существуют устойчивые правила и которые должны быть консервативными и не нуждаются в пересмотре.

В уголовном праве проводятся эксперименты относительно такого, казалось бы, классического состава преступления, как кража. Но этому есть политическое и экономическое объяснение: все, что связано с защитой собственности, важно для государства. Если обратиться к опыту отечественного законодателя, то можно увидеть, что для него очень важно уголовное право, и не только на этапе начала проведения правовых реформ. В 1990-е годы за принятием Конституции последовало глобальное правовое реформирование. Именно Уголовный кодекс был одним из первых принятых кодифицированных законов.

До сих пор законодатель постоянно вносит изменения в этот документ. Если учитывать все годы действия Уголовного кодекса РФ начиная с 1 января 1997 года, то можно измерить интенсивность внесения изменений и дополнений в кодекс — один раз в 2,5 месяца! А ведь кодекс существует уже 15 лет.

В этой сфере проявляется конфликт законодателя и научной общественности. Мы не можем договориться внутри страны, потому что среди представителей власти, которые имеют непосредственное отношение к уголовно-правовому регулированию, тоже не выработано единого мнения о правовой культуре и правосознании, уголовной политике, концепции наказания — зачем оно нужно и средством решения каких задач может быть.

Государство не может определиться — различные его представители проводят разную уголовную политику. Если в 2003 году в уголовно-правовом регулировании наблюдался всплеск либерализма, то в последние годы были приняты законы, направленные на ужесточение уголовной ответственности. В то же время официально создается комиссия (кстати, без участия научной общественности), цель которой — подготовить новую редакцию Уголовного кодекса. В ней предполагается декриминализация деяний, сегодня отнесенных законодателем к группе преступлений небольшой и средней тяжести. То есть налицо совершенно разные стратегии.

В международном праве сформировалась самостоятельная область знаний — международное уголовное право. Если его оценивать исторически, то оно имеет вторичный характер по отношению к внутригосударственному праву: международное уголовное право возникло позже, опирается на тот категориальный ряд и те основные правила, которые сформированы внутригосударственными системами уголовного права, ориентируется на принцип суверенитета государств. Здесь речь идет не собственно о наднациональном уголовном законодательстве и тех правилах, которые обязывают всех следовать тем или иным путем, а о международном сотрудничестве и взаимодействии в сфере противодействия преступности.

В международном уголовном праве существуют два основных предмета воздействия. Первый — преступления против мира и человечества, второй — преступления международного правового характера, представляющие общепризнанную общественную опасность. В первом случае роль международной общественности гораздо выше, так как этот предмет непосредственно относится к международному праву. Во втором случае основной акцент делается на внутригосударственном законодательстве.

Международное уголовное право не стало отраслью права, так как в нем не обнаруживаются классические характеристики отрасли права. Речь все еще идет о формирующейся сфере относительно самостоятельных знаний. Что касается наднационального законодательства, то это актуальная проблема, и практическая деятельность именно в этой сфере уголовного права осуществляется очень давно.

После Второй мировой войны под эгидой ООН, то есть в рамках международного права, были поставлены задачи и осуществлены многие мероприятия, направленные на их решение и связанные с разработкой уголовного кодекса, регламентирующего преступления против мира и человечества. Этот вопрос до сих пор не снимается с повестки дня. Постоянно разрабатываются проекты, меняются разработчики, но работа под эгидой ООН продолжается. Конечно, выход на уровень наднационального регулирования уже предпринимался.

Я расцениваю глобализацию как имеющую скорее негативный, чем позитивный характер, подразумевая прежде всего ее последствия. Как бы то ни было, глобализация стала реальностью и с ней надо считаться.

Глобализация как явление для меня представляет интерес в связи с тем, что она оказывает влияние на состояние преступности. Несмотря на то что происходит унификация, которая вроде бы должна устранять противоречия, экономические и социальные отношения, наоборот, осложняются. Речь идет не о социальном неравенстве (которое, конечно, существует), а об экономическом. Таким образом, при провозглашении равенства неравных все равно будет существовать конфликтное поле. Поскольку речь идет об агрессивном явлении (унификация неизбежно вызывает сопротивление), естественно, защищаются суверенитеты, правосознание, сформированное с учетом традиций. Возникает противодействие в виде антиглобализма, и состояние преступности меняется, она откликается на эти вызовы. Уже существует преступность, в том числе экономическая, связанная с антиглобализмом. В данном случае чаще всего происходит развитие экстремистской преступности. Массовые публичные выступления неизбежно выливаются в разные формы насильственного поведения, и эти небезопасные последствия тоже следует учитывать при моделировании ситуации.

Моделирование ситуации в настоящее время вызывает большие трудности при решении вопросов правотворческого процесса, в частности в уголовном праве. Область экспертизы, одним из направлений которых должно быть моделирование развития ситуации, сейчас находится в кризисном состоянии, гораздо худшем, чем в 1990-е годы. Ни в какой форме не осуществляются криминологические экспертизы при решении важных вопросов уголовно-правового регулирования. Но, насколько мне известно из опыта общения с представителями правовых культур зарубежных государств, там в области решения проблем моделирования ситуации и последствий принимаемых правовых решений тоже отнюдь не все благополучно. То есть это общие проблемы.

Решение вопросов и выработка конкретных предложений по взаимодействию или соотношению внутригосударственного и международного права и возможности создания наднационального законодательства, мне кажется, осуществляется в большей степени с позиций идеологических и политических, чем собственно правовых. Я солидарна с теми выступавшими, которые говорили о международном праве как об упрежном для использования на территории страны. И уголовное право показательное в этом смысле.

Я считаю, что надо развивать взаимодействие между внутригосударственным и международным правом. В этом я вижу залог предупреждения глобализации в уголовно-правовом регулировании, проявляющейся в создании наднационального законодательства. Уголовно-правовые нормы имеют свою специфику — это основные нормы, которые использует власть. И если будет принят единый уголовный кодекс для мира и человечества, то неизвестно, как та или иная власть будет им пользоваться. Гораздо проще, когда государства договариваются и на основе договоренностей принимают международные нормы, имеющие согласительный характер. Я расцениваю эту процедуру уголовно-правового регулирования как более демократическую и понятную.

На мой взгляд, надо усиливать и упорядочивать и внутригосударственное, и международное право. А глобализация в законодательстве небезопасна и имеет большие издержки, что необходимо учитывать.

М. Б. КАСЕНОВА: — Интересно узнать Ваше мнение по поводу киберпреступности. Известно, что Россия подписала соответствующую конвенцию. Как трактовать, моделировать киберпреступность в уголовном праве?

Т. В. КЛЕНОВА: — Моделировать, конечно, необходимо. Существуют два пути развития законодательства — запаздывающий и опережающий. Я в этой сфере отношений выступаю за запаздывающий путь. Хотя, конечно, там, где говорится о совершении преступлений с использованием современных технологических средств, о преступлениях против интеллектуальной собственности, большое опоздание тоже опасно. Существуют злоупотребления, и права людей необходимо защищать. Знания в этой сфере в отечественном уголовном праве еще не являются достаточно сформированными. В настоящее время на эту тему защищается диссертация. Это свидетельствует о создании учения, его формировании.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — В защиту международного права следует сказать: сам термин «международное уголовное право» очень условный. В российском праве, в отличие от международного, есть уголовный процесс. Когда Вы говорите, что нужно развивать конвенционный механизм, который все предусмотрит, то мы понимаем, что речь идет о криминализации только в общих чертах. В конвенции более прописаны преступления против человечности, отсутствует финализация, есть лишь процесс. Поэтому не стоит упрекать международное уголовное право. Оно существует как область знаний, а все остальное отсутствует.

Т. В. КЛЕНОВА: — Я с этого и начала свое выступление. Здесь речь идет о большой политизации и идеологической насыщенности решений.

А. А. МОИСЕЕВ: — Татьяна Владимировна, когда Вы говорите о разработке наднационального законодательства, то имеете в виду разработку многосторонних международных правовых норм и не более того?

Т. В. КЛЕНОВА: — Уголовный кодекс как кодифицированный акт.

А. А. МОИСЕЕВ: — Когда Вы говорите о глобализации в сфере законодательства и всего остального, речь идет об унификации? Я вновь обращаю Ваше внимание на термины.

Т. В. КЛЕНОВА: — Спасибо за замечание. Да, глобализация — это унификация, если говорить о терминах. Когда речь идет о кодифицированном уголовно-правовом регулировании, где бы оно ни осуществлялось — внутри страны или за ее пределами, оно в любом случае обладает большой централизацией и предполагает в дальнейшем централизацию власти.

О. В. МАРТЫШИН: — Политическая культура — это действительность, которая выступает как объективная необходимость по отношению к государству. Государство не пассивно — оно пытается оказать воздействие на политическую культуру, и их взаимосвязь мне напоминает «базис» и «надстройку» согласно марксистскому учению. В истории каждого государства бывают периоды, когда его вмешательство в формирование политической культуры особенно заметно. Сейчас Россия переживает именно такой период, потому что советская культура разрушена и создается новая политическая и правовая культура.

Государство воздействует посредством политики. Правда, когда политика начинает ставить цели, она превращается в идеологию. Это идеолого-политическое воздействие государства на формирование политической культуры совершенно очевидно в современной России. Я думаю, что нас не должно смущать утверждение действующей Конституции (ст. 13) об идеологическом плю-

рализме. Реальный смысл этого утверждения состоит в том, что официальной коммунистической марксистско-ленинской идеологии нет, но вместо нее есть другая.

Профессор В. В. Лапаева четко объяснила: новая идеология — либеральная. Авторы (я бы сказал, технические авторы) Конституции РФ 1993 года исходили из идеологии либерализма мировых стандартов. В итоге наш Основной закон представляет собой каталог мировых стандартов со сверхзадачей — оказаться впереди, превзойти всех в перечне демократических и правовых принципов.

Теория сразу откликнулась на идеологию мировых стандартов. Было выдвинуто положение о современном государстве, которым часто пользовались отечественные теоретики государства и права, — это прежде всего цивилизованное государство цивилизованной страны. Наряду с идеализмом юристов, которые писали текст Конституции, в этом документе, к счастью, проявились и противоположные, сугубо реалистические тенденции, которые нашли выражение в институте сильной президентской власти, что противоречит мировым стандартам. Такой президентской власти, какая существует в России, нет ни в одной цивилизованной стране, но, на мой взгляд, это положительный момент: он обеспечивает эффективность государственной власти (достаточно сравнить этот институт, не отвечающий мировым стандартам, с более соответствующим им институтом распределения властей на Украине).

Ситуация несколько изменилась при втором президенте РФ, когда необходимость осуществления широких президентских полномочий привела к укреплению так называемой «вертикали власти». Это сразу отразилось на идеологии, где был совершен переворот: мировые стандарты не отрицались, однако в одном из посланий президента Федеральному собранию было сказано, что идеал демократии остается идеалом, но Россия не может не считаться со своими традициями и условиями. Это влияние реальности, от которого нельзя избавиться.

С теоретической точки зрения постулат, что страна не может не считаться со своими традициями и условиями, бесспорно, правилен. Вопрос заключается в том, как он применяется, в мере соотношения мировых стандартов и национальных особенностей. Я еще раз подчеркиваю, что идея сильной президентской власти в определенной степени была спасительной и благотворной для России. Однако сильная централизованная власть, в общем, не способствует демократии. Вопрос в том, как понимается новая концепция демократии, которая получила название суверенной.

В Российской Федерации при активном воздействии государства на формирование идеологии и посредством нее — на политическую культуру имеется целый ряд отступлений (я бы назвал их искривлениями), которые не содействуют демократическому процессу. Прежде всего, это историческая мифология. Дореволюционная Россия объявляется царством благополучия, справедливости, народной поддержки. Эта прекрасная, изумительная страна, которую мы потеряли, шла по пути прогресса, а в 1917 году положил конец безмятежному эволюционному развитию. В этом заключается историческая мифология.

Кстати, эта концепция отражена в грамотно составленном документе «Основы социальной платформы Русской православной церкви». Когда я прочитал его, то невольно сделал вывод о том, что церковные деятели по многим параметрам превосходят юристов и политиков.

Другим элементом исторической мифологии является абсолютно отрицательное отношение ко всем русским революциям и к революции в принципе в стиле выступавшего на Пленарном заседании профессора Р. Герра из Франции. Он передал в своем докладе бунинские настроения и метафоры. Революция для него — это катастрофа,

падение России, конец Российской империи. Для объяснения феномена русских революций не было найдено лучшего источника, чем сборник «Вехи», который стал для некоторых современных авторов чем то вроде Священного Писания. Революцию, согласно веховской трактовке, организовали отщепенцы, жалкая русская интеллигенция. Постсоветская историография к этой концепции прибавила свои примитивные конструкции: интересы зарубежных стран, причем даже тех, которые находились в антагонистических отношениях друг с другом, иностранные правительства и разведки, инородцы. Кто ведет подобную пропаганду? При Фонде культуры (первым руководителем которого, кстати, был академик Д. С. Лихачев) сегодня существует дирекция президентских программ, которая выпускает так называемые историко-документальные фильмы о русской революции. Фальсификации в этих фильмах просто вопиющие.

Еще одно явление, свидетельствующее об искривлениях, — клерикализм, который проникает во все сферы жизни (он проявляется даже на нашей конференции). На Пленарном заседании заместитель министра иностранных дел России А. В. Яковенко выдвинул семь тезисов, и главный из них — религия как единственная основа нравственных устоев современного общества. Но разве нет других основ? Кстати, будучи государственным служащим, он заявил о том, что западная идея светского государства не отвечает требованиям, которые выдвигает эпоха глобализации. А ведь Россия — это светское государство (по Конституции 1993 г.).

Следующее момент, который представляется мне глубоко неверным, состоит в том, что формируемая сейчас государственная идеология пренебрегает социальными отношениями и противоречиями. Вопрос социального государства недостаточно разработан в Конституции РФ 1993 года, там не описан механизм осуществления этих функций.

И последнее — консерватизм, который сейчас выдвигается в качестве официальной идеологии, в первую очередь партией «Единая Россия». Консерватизм, связанный с элитизмом. На Пленарном заседании тоже говорилось об элитизме, о необходимости подготовки элитных кадров. По этому поводу прекрасно высказался Евгений Евтушенко: те, кто называет себя элитой, — это представители плебса, которые хотят сформировать себя в качестве правящей элиты. Настоящая элита таковой себя не назовет.

Если политическую культуру, представляющую собой нечто объективно данное, сравнить с указанными тенденциями, то вывод будет следующим: установление демократии по английскому образцу в современной (и несомненной) России — утопия, этому противоречит русская политическая культура. Идея о необходимости приспособления идеала демократии к российским условиям, безусловно, верна — Россия должна идти к демократии. Однако при этом неизбежен переходный период, и вопрос заключается в том, какое направление мы выберем. Куда мы движемся — к развитию демократии или к возрождению идеологии русского самодержавия, так называемой народности? К сожалению, второй направление преобладает.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Орест Владимирович, скажите, пожалуйста, чем отличается правовой статус президента России и президента Франции с формальной точки зрения? И в чем заключается неограниченная роль президента в России?

О. В. МАРТЫШИН: — По современным законодательным актам президент утверждает главу исполнительной власти. Во Франции главу правительства утверждает Национальное собрание, парламент.

С. В. ПОЛЕНИНА: — Вы считаете, что либерализм является господствующей идеологией в России?

О. В. МАРТЫШИН: — Являлся в первое десятилетие постсоветской истории, сейчас всеми проклинаемое.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Орест Владимирович, как взаимосвязаны понятия «политическая культура», «моральные ценности» и «государственная власть»? Как бы Вы оценили уровень политической культуры государственной власти на Украине?

О. В. МАРТЫШИН: — Если позволите, я начну со второго вопроса. Политическая культура современной Украины формировалась в советское время, поэтому, я думаю, нет острых противоречий или принципиальных различий между политической культурой России и Украины, исключая один, так сказать, нюанс, связанный со стремлением последней к *независимости*. Это вызвано какой-то глубокой антипатией ко всему московскому, которая постоянно подогревается. Сложности, которые претерпевает сейчас Украина, я связываю с теми изменениями в ее конституционном строе, которые были произведены после ухода с поста президента Украины Л. Кучмы и прихода к власти В. Ющенко. Тогда парламент получил большие права, в том числе право отменять решения президента. Б. Ельцин предвидел, что этого ни в коем случае нельзя допускать, а Л. Кучма допустил, и изменение конституции повлекло за собой тяжелые последствия. Думаю, что нынешнее критическое положение не будет долгим. Украина в конце концов придет в соответствие с общей картиной в постсоветских республиках, где установлена сильная президентская власть.

Теперь ответу на Ваш первый вопрос, Гульнара Наримановна. В моем понимании культура не обязательно предполагает наличие высокого уровня морали. Культура — это то, что есть. Так называемое бескультурье — это вариант культуры, точнее, уровень развития культуры. Аморальность, увы, заложена в нашей политической культуре. Мы это замечаем на каждом шагу, и ни у кого не вызывает сомнений, что это затрагивает в одинаковой мере и простых российских граждан, и представителей власти разных ветвей и разных уровней.

А. А. ТАРАСОВ: — Орест Владимирович сказал о важном моменте: действительно, на определенном этапе сильная президентская власть для России была спасением, выходом из тупика. Мы можем как угодно к этому относиться, но это факт. Ведь та власть пришла на смену бесправию и хаосу, а практически любая власть лучше, чем безвластие.

Но как развивается наша правовая система, правосудие? Из уст Кароль Шутьце я услышал неожиданное словосочетание: «*Deutsche national richt Ordnung*» — «Немецкий национальный правовой порядок». Призываю прислушаться к этому видному теоретику права. Правовый порядок не есть национальная система права или национальное законодательство. Это наднациональное понятие, такая организация жизни, которая подчиняется не закону, а праву. Но вместе с тем Германия (и не только она) позволяет себе сохранять свою качественную определенность. В принципе, в этом нет ничего плохого. Но я не знаю, как относиться к тому, что германская конституция ставит европейский правовой порядок над национальным. Я услышал сегодня еще одну важную вещь: когда произошло объединение Восточной и Западной Германии, Западная Германия не стала давить на ГДР, хотя имела возможности для этого, а пошла по пути реализации чаяний всего населения страны.

В свое время Ф. М. Достоевский сформулировал и вложил в уста Ивана Карамазова важный постулат: нет для человека заботы непрерывнее и мучительнее, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Увы, никто еще не смог опровергнуть этих слов. Поэтому надо выработать схему, в которой преклонение не повлечет за собой утрату человеком его достоинства, стремления к равенству и свободе, но при этом наша свобода не должна мешать столь же свободно жить другим. В уголовном и процедурном праве это достаточно четко расписано, однако возникает та же проблема, что и в других отраслях права. В разных системах правосудия есть веками выработанные институты, и сейчас находится достаточно много желающих переместить их на российскую почву. Ожидается, что Россия откажется от дореволюционной, имперской правовой системы и от советского опыта в данной сфере и непременно воспримет то, что есть в других странах.

Что касается истории суда присяжных с точки зрения принадлежности к разным правовым семьям, то она тоже очень противоречива. В свое время Франция заимствовала идею суда присяжных у Англии и с военными победами Наполеона разнесла практически по всей Европе. Что произошло после этого? После Первой мировой войны Германия фактически отказывается от суда присяжных, оставляя лишь название. Франция также в 1945 году аннулирует этот институт. Трудно сказать, почему это происходит. Наши реформаторы частенько говорят о том, что идея такого суда изжила себя. Ничего подобного! Почему американцы, имея практически неограниченную возможность обратиться к суду присяжных в случае обвинения в преступлении, наказание за которое превышает один год лишения свободы, обращаются к нему лишь в 4 % случаев? Потому что они доверяют профессиональному правосудию. Нам же для того, чтобы прийти к этому выбору — преклониться перед идеей настоящего правосудия, нужно пройти тот путь, который прошли американцы, пережить страшную коррупцию в судах, которая была у них во время Великой депрессии.

Сейчас доверие населения к правосудию нам необходимо больше, чем что-либо иное. До тех пор пока люди не понимают, что происходит в наших судах (а это, увы так), никакие судебные реформы не могут осуществиться. И суд присяжных — нравится он кому-то или нет — это способ сделать происходящее в нашем правосудии понятным людям. Суд присяжных — это институт не только демократии, но и формирующегося гражданского общества. Государство как бы говорит людям: я твоя правосудие настолько справедливо, что любой из вас может в этом убедиться. А если мы по причине дороговизны или малограмотности населения откажемся от суда присяжных, то система правосудия превратится в систему судов, то есть просто неких чиновничьих служб, и правосудия как такового не будет, а будет производство судебных дел. Поэтому я не за «доморощенную самобытность» или «махровую самостийность», а за то, чтобы мы уважали себя, свою историю, и за то, чтобы наше стремление к мировой цивилизации и к участию в процессах глобализации не позволило бы нам утратить свое лицо.

С. В. ПОЛЕНИНА: — В чем Вы видите преимущество суда присяжных перед народными заседателями?

А. А. ТАРАСОВ: — Честно говоря, эту идею я позаимствовал у профессора Позднышева, который высказал ее в начале 1920-х годов. И то и другое нужно России. Суд присяжных — дорогая процедура, и ввести ее по огромному количеству дел в принципе невозможно, это не под силу никакому бюджету. Кстати говоря, в законодательстве

Украины предусмотрены обе формы народного участия, но суда присяжных там фактически нет.

С удалением народных заседателей и введением суда присяжных сложилась интересная ситуация — лишь в 4 % дел участвует население, причем в подавляющем большинстве — в среднем звене судебной системы, а на уровне районного суда народных представителей нет. И происходят удивительные вещи. Приведу пример. Рассматривается гражданское дело, судья закрепляет право собственности на два гектара самарской городской набережной (у нас красивая благоустроенная набережная, которая тянется на 12 км вдоль Волги) за владельцем кафе, расположенного на этой набережной. Но судья лишен таких полномочий, и всем понятно, почему так происходит. Во время дискуссии по поводу участия «народного элемента» в судебном процессе один саратовский коллега сказал: «Даже собаки стесняются, совершая неблагоприятный поступок, а здесь речь идет об уважаемых людях. Уж при народных заседателях судья такое решение принять, наверное, не осмелился бы».

А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ: — Мое сообщение посвящено довольно специфической теме — историческому опыту различных стран в вопросе закрепления территории. Делалось это с помощью колонизации — заселения в организованном порядке. Это традиционный и довольно эффективный инструмент, которые брали на вооружение различные государства, но он во многом зависел от грамотно проводимой переселенческой политики.

Расскажу, какая ситуация складывалась на границах прусского государства с Польшей и Литвой. Я собирал материалы на протяжении ряда лет, изучал как литературу, так и из архивные источники. Некоторые материалы были мной почерпнуты в берлинском архиве, где мне довелось работать.

В прежние времена область расселения немцев была значительно обширнее, чем сегодня. В частности, на территории бывшей Восточной и Западной Пруссии еще 60 лет назад проживало в основном немецкое население. Как известно, Вторая мировая война положила этому конец, территории были отрезаны и переданы Польше и Советскому Союзу.

В Средние века здесь господствовал Тевтонский орден, завоевывая территории на протяжении ряда столетий. К 1422 году положение стабилизировалось, был подписан мирный договор с Польшей и Литвой, закрепляющий границу, и в течение следующих 500 лет — до 1919 года — Литва была одной из самых стабильных стран в Европе. Один из участков этой границы сохраняется и сегодня — это кусочек границы Калининградской области с Литвой от Немана до стыка с границей Польши.

В тот период Пруссия представляла собой довольно мощную державу, но после ряда войн с Литвой и Польшей западная ее часть (наиболее развитая и богатая, где находились Эльбинг и Данциг) отошла к Польской короне. В руках Ордена осталась Восточная Пруссия с центром Кёнигсбергом. Именно отсюда, после того как были преодолены последствия политического кризиса, начала разворачиваться колонизация приграничных территорий, потому что эти обширные земли оставались незаселенными. На базе этих двух частей возникли Западная Пруссия и Восточная Пруссия, которая впоследствии, после секуляризации в XVI столетии, была преобразована в светское герцогство.

Такова была ситуация, сложившаяся в XVI веке на этой земле, за которой простиралась так называемая «Великая глушь» — обширная незаселенная территория, покрытая дремучим лесом, постепенно заселяемая людьми. Так, можно наглядно проследить здесь развитие городов.

В восточных регионах городская сеть значительно реже, урбанизирована была в основном западная часть страны. После подписания Польшей и Литвой Люблинской унии в XVI столетии часть этой территории, так называемая Княжеская Пруссия, осталась в руках местного герцога. В 1701 году Пруссия превращается в королевство, и в XVIII веке все ее земли снова оказываются под скипетром Гогенцоллернов.

На протяжении всей своей истории колонизационный процесс находился в центре внимания властей Пруссии. Основой его стала знаменитая Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII века. Немецкие колонисты первую привилегию, которая существенно облегчала условия их поселения. Это было модернизированное по тем временам Магденбургское право с рядом изменений. Оно вдвое уменьшало размеры судебных штрафов, чтобы переселенцы уютнее себя чувствовали на новом месте; существенно облегчало налогообложение и гарантировало колонистам ряд других льгот.

Приступая к заселению этих обширных территорий, власти сознавали, что там сложилась довольно специфическая ситуация. Это приграничные восточные польские земли, которые вплотную придвинулись к линии границы, делящей территорию «Великой глуши» примерно пополам. И орденские власти, а затем и власти герцогства, опасаясь стихийной миграции на эту территорию, понимали, что надо каким-то образом закрепить ее за собой, но завербовать немецких колонистов не удалось. Поэтому была взята на вооружение следующая политика. В первых часть общин получила определенные привилегии. Во-вторых, была предпринята попытка заселить эту территорию, пригласив тех же самых поляков, или мазовчан, как их тогда называли (те, кто с Мазовии), живших по другую сторону границы. Ни их родной язык, ни происхождение, ни прежнее подданство никого не смущали — главное, что они придерживались той же религиозной традиции. Поначалу это были католики, а после Реформации туда довольно активно стали мигрировать и те, кто симпатизировал протестантизму. Здесь получил привилегии целый ряд городских общин — Иоганнесбурга (ныне это польский город Пиш), Лика (этот город имел привилегии и в XVI веке).

Особенно любопытно то, что была попытка применить старый способ — размежевать эту территорию, но еще в XVI веке был введен особый пограничный знак, который сохранился до наших дней. На нем изображены польский орел и герб прусского герцога.

В одних случаях власти просто поручали заселение территории частному лицу. В качестве примера можно привести историю города Маргграбов: предприниматель просто получил задание основать его недалеко от границы, и город был создан. За это основателю был дарован ряд привилегий, в частности наследственное владение мельницей и т. д. В других случаях на участках просто расселяли крестьян польского происхождения. Здесь преобладала шляхетская колонизация, то есть количество деревень свободных крестьян уступало количеству угодий мелкой шляхты.

Несколько иначе выглядела колонизация на восточных рубежах. Литовские власти предпринимали попытки оживить городскую жизнь, создали возле замка Юрбург городок Юрбаркас, община которого составила довольно серьезную конкуренцию прусским поселенцам. В качестве противовеса ему была сделана попытка создать собственный город — Тильзит (ныне город Советск Калининградской области), увенчавшаяся успехом после длительных усилий и жалоб на соседей, которые организовали здесь рынок и препятствовали свободной торговле. Кроме того, в руках у литовцев была вся торговля рыбой по берегу

Немана. После длительных переговоров с герцогом и споров со столицей герцогства Кёнигсбергом, который имел серьезные привилегии, Тильзит получает сначала «рыночное право», а затем и «полное городское право».

М. Б. КАСЕНОВА: — В чем позитивность этих знаний для нас, можно ли сделать какие-то выводы, полезные для современности?

А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ: — Из-за нехватки времени я лишен возможности осветить все подробности, поэтому лишь коротко резюмирую: изучение источников показывает, что фактически по обе стороны данной границы была развернута конкуренция, и в первую очередь за население как налогоплательщиков и потенциальных ополченцев. Переход границы в те времена обычно не представлял труда. Литовские магнаты часто жаловались на своих крепостных крестьян: те нередко бежали в Пруссию, где были более льготные условия поселения. Один из ее регионов даже получил название Прусской Литвы. Во многих случаях по разным причинам прусские власти удерживали пальму первенства в этом соревновании за увеличение населения. В итоге они сумели закрепить за собой многие еще не размежеванные территории, обеспечив тем самым себе надежную опору. Эта политика показала свою эффективность и привела к стабилизации языковой, а затем и политической границы.

Перекидывая мостик к современности, могу сказать следующее: к большому сожалению, мы вряд ли можем сказать про какой-нибудь из нынешних российских, а тем более советских городов, что он разбогател за счет приграничной торговли... Сравнение с иностранными городами, увы, не в нашу пользу. Мы имеем наглядные примеры в случае так называемых городов-двойников, таких как Нарва и Ивангород или Благовещенск и Сульфанхе. Как вы полагаете, на чьем берегу более благоприятная ситуация? К стати сказать, этот опыт до сих у нас должным образом не изучен, хотя журналисты об этом писали, впрочем, не вдаваясь в особые подробности.

Какие правовые механизмы были задействованы, скажем, китайской стороной, для того чтобы Сульфанхе из захудалого поселка превратился в огромный процветающий город с небоскребами? Просто были приняты специальные нормативные акты, предусматривающие льготы и в налоговой, и в административной, и других сферах, которые поощряли селиться там. Эта политика проявила свою эффективность. Вообще если власти той или иной страны желают, чтобы территория не подвергалась стихийной миграции, чтобы этот процесс контролировался и направлялся в нужное для общества и государства русло, видимо, они должны использовать механизмы, которые обеспечивают успех данной политики. Это касается и России.

Л. А. НУДНЕНКО: — Не являясь специалистом по правовой культуре или представителем традиционного права, я решила выйти на данную проблему через рассмотрение правового статуса личности. По данному разделу права я веду спецкурс в Российской академии правосудия.

Среди многочисленных прав российских граждан есть право на квалифицированную юридическую помощь. Поскольку все нормы Конституции Российской Федерации выступают в качестве принципов для других отраслей права, для того чтобы раскрыть данную проблему, мне пришлось обратиться к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (УПК РФ).

Правовая культура неразрывно связана с человеком, реализацией его конституционных прав и свобод, выпол-

нением конституционных обязанностей. Правовая культура общества складывается из правовой культуры каждой личности, ее правовой активности, степени использования предоставленных ей прав и свобод в экономической, политической и социальной сферах. Благодаря такой активности граждане обеспечивают себя и общество необходимыми материальными и духовными благами, создают необходимые условия для эффективного функционирования политико-правовых сфер. При этом каждый индивид должен обладать глубокими правовыми знаниями, иметь возможность получать квалифицированную юридическую помощь и активно бороться с правонарушениями, допускаемыми другими лицами. В соответствии с международными обязательствами и процессами глобализации правовых систем Конституция РФ в ч. 1 ст. 48 закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

В юридической литературе высказано мнение о том, что формулировку ст. 48 Конституции РФ нельзя признать удовлетворительной, поскольку в ней не указаны органы, обязанные предоставлять квалифицированную юридическую помощь. Думается, что круг субъектов оказания квалифицированной юридической помощи вполне может быть детализирован текущим законодательством. Из содержания федерального законодательства РФ вытекает, что квалифицированную юридическую помощь, кроме адвокатов, обязаны оказывать сотрудники юридических отделов организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудники юридических фирм, а также нотариусы и патентные поверенные, чья деятельность хоть и направлена на оказание юридической помощи, но в силу закона не является адвокатской.

Согласно ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения защищать себя лично или опосредованно через выбранного им защитника. Если гражданин не имеет защитника, он должен быть уведомлен о праве иметь назначенного ему защитника. Право на самостоятельный выбор защитника отнюдь не означает право выбирать в качестве такового любое лицо и не предполагает возможность участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника. Закрепленное в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ право пользоваться услугами адвоката не может быть истолковано в отрыве и без учета положений ч. 1 этой же статьи, которая гарантирует квалифицированную юридическую помощь. Гарантируя право на получение квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке кадров для оказания гражданам различных видов юридической помощи, и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии.

Весьма актуальной является проблема границ или пределов права личности на квалифицированную юридическую помощь. В практике Европейского суда есть принцип, согласно которому обвиняемый не располагает неограниченным правом использовать для своей защиты любые аргументы. Понятие «право на защиту» будет сверх меры расширено, если допустить, что обвиняемый получит возможность умышленно возбуждать необоснованное подозрение в отношении свидетеля или любого другого лица, участвующего в судебном разбирательстве. Возможность в последующем привлечь за это к ответственности обвиняемого не означает умаления права на защиту.

Весьма важной является и проблема оплаты квалифицированной юридической помощи, которая, как правило, стоит довольно дорого. Однако если у обвиняемого нет средств на оплату услуг защитника, ему должна быть предоставлена возможность воспользоваться услугами за-

шитника бесплатно. Государство, провозглашенное Конституцией РФ социальным, обязано создать условия, при которых реализация права на доступ к правосудию не будет зависеть от личной правовой осведомленности человека или его финансовых возможностей. Вместе с тем в практической реализации права на бесплатную юридическую помощь есть существенные трудности. Многие юридические консультации сельских районов почти всех субъектов РФ из-за бедности населения дотируются из фондов адвокатских коллегий. Примерно в 200 районах адвокаты вообще отсутствуют. Для проведения защиты по назначению президиумы адвокатских коллегий командировывают адвокатов из соседних районов или областного центра. В результате отдельные граждане не имеют возможность получить квалифицированную юридическую помощь. В связи с этим представляется заслуживающим внимания предложение разработать и принять федеральный закон о гарантиях квалифицированной юридической помощи малоимущим лицам.

Н. В. БУТУСОВА: — Лидия Алексеевна, в Вашем выступлении прозвучали интересные формулировки. Что для вас есть право личности — право гражданина, право человека или сумма прав человека и гражданина? Что для Вас правовая культура и как она соотносится с правом личности? Меня интересуют также вопросы теории правовой культуры. Что, на Ваш взгляд, в сегодняшнем определении правовой культуры плохо теоретически разработано?

Л. А. НУДНЕНКО: — Личность — это категория, которая объединяет две другие — гражданин и человек. А право — это возможность воспользоваться теми правами и свободами, которые закреплены в Конституции. Правовая культура — это знание и понимание личностью предписаний и норм права и реализация их в повседневной жизни.

Н. В. БУТУСОВА: — Тема моего выступления — создание правовой основы для перехода на новую цивилизационную модель развития. Это насущная проблема науки и практики.

Академик Степин и академик Богомолов сегодня уже говорили об одной из глобальных проблем нашего времени, чем подтвердили мысли, которые я высказала в своей работе докладе. Это острая проблема, связанная с самим существованием человеческой цивилизации, — угроза экологической катастрофы, с которой непосредственно связан глубокий духовный кризис и социально-экономическая дисгармония современного общества. Несостоятельность действующей экономической модели ставит под угрозу само существование цивилизации, поскольку антропогенная нагрузка на окружающую среду достигла угрожающих, катастрофических масштабов. Человек с его активной деятельностью и вторжением в сферу природы в связи с современным развитием экономики поставил под угрозу собственное существование.

В апреле Правительство РФ подготовило по заданию Президента РФ новую климатическую доктрину России в рамках Киотского протокола. Как вы знаете, на ближайшей встрече на высшем уровне должно было пройти обсуждение данной проблемы. Выводы, которые содержатся в подготовительных материалах, неутешительны: если уровень мирового океана будет повышаться такими же темпами, как сейчас, то Санкт-Петербург перестанет существовать уже через 10 лет: он уйдет под воду. То же произойдет и с целым рядом других областей и европейских стран. Это страшно. Но, к сожалению, наша общественность очень мало просвещена в данном вопросе. Ра-

боты, посвященные данной проблеме и широко известные на Западе, были опубликованы еще в 1970-е годы, а переведены и изданы в России только в 2000-е годы, в частности «Пределы роста». В этой книге переход на новую цивилизационную модель развития обосновывается тем, что нынешняя модель неизбежно приводит к губительным последствиям для нас всех.

Важнейшим элементом культуры является, несомненно, наука. В обращении отечественных ученых к международному сообществу в 2002 году сказано, что низкий уровень стратегического мышления человечества в целом и абсолютная неготовность фундаментальной науки дать адекватный ответ на все угрозы существования человечества — это реалии сегодняшнего мира. В этом обращении ученые утверждают, что сегодня для всех наук необходимость сохранения земной цивилизации следует рассматривать в качестве фундаментальной цивилизационной цели человечества. Только на этой основе можно изучать противоречия между культурами, цивилизациями, поскольку мы стоим перед угрозой глобального характера, и эта угроза реальна. С нашим обычным российским «авось» да «небось» мы рискуем очень сильно.

Глобализация, с одной стороны, создает благоприятные условия для взаимодействия государств и мобилизации усилий в решении планетарных проблем, с другой — приводит к тому, что крупнейшие монополии сопротивляются возможной реализации научных исследований, связанных с альтернативными источниками энергии, создают препоны в движении к общечивилизационным целям.

Тем не менее ученые пытаются реализовать идеи нашего гениального соотечественника В. И. Вернадского, ибо предполагается, что устойчивое развитие возможно лишь на основе общечеловеческих ценностей, главной из которых является человек как всесторонне развитая личность, существующая в единстве и гармонии с природой. Выделяется два направления: гармонизация взаимоотношений человека с природой и преодоление социально-экономической и духовной дисгармонии современного общества, то есть создание для каждого индивида возможности развития разума и духа. Несмотря на то что человечество в целом оказалось не готово к решению новых проблем, общие направления выхода из кризисной ситуации и основные контуры новой цивилизационной модели очерчены в международно-правовых документах и решениях ООН — в частности, в докладе 1987 года «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР), а также в материалах международной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992) и Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002). Эти международные документы создали основу для развития законодательства внутри стран, чтобы на первом этапе создать правовую основу для перехода к условному термину «устойчивое развитие» (в переводе с английского этот термин означает «устойчивое, долгосрочное, продолжительное, поддерживающее, сбалансированное»). В этих форумах участвовали не только представители неправительственных организаций, но и руководители высшего уровня (более 10 глав государств и членов правительств).

Обычно после международного форума издаются различные акты, указы. Так, в 1994–1996 годах были разработаны некие подготовительные документы, а с 2000 года в преддверии Йоханнесбургского саммита 2002 года якобы начала работать уже существующая Комиссия Госдумы по проблемам устойчивого развития. Однако после выборов 2004 года депутатский корпус ликвидировал эту Комиссию и положил под сукно проект закона. Я пыталась его найти, но никто не знает, куда он делся.

Сегодня, в преддверии очередного саммита, который должен пройти в 2012 году, все это вновь начинает активизироваться. Климатическая доктрина, подготовленная по заданию Президента РФ, констатирует изменение климата и в качестве необходимых мер преодоления неизбежных экологических катаклизмов предлагает структурную перестройку экономики, реализацию многих направлений, связанных с научными исследованиями, их внедрением в жизнь, финансированием научных исследований в этой области и т. д.

А. А. МОИСЕЕВ: — Наверное, основным, если не единственным механизмом, который позволяет обеспечить диалог культур и партнерство цивилизаций, является международное право. Ничего другого до сих пор не изобретено. Я хотел бы поговорить о термине, который здесь часто используется, но, на мой взгляд, не является правовым, — я имею в виду глобализацию.

Слово «глобализация» впервые было произнесено ученым Роландом Робертсоном в 1983 году; концепция глобализации была сформулирована в 1993 году. История глобализации повторяет историю мобильного телефона, который сегодня мы воспринимаем так, как будто он существовал и 100 лет назад, тогда как на самом деле он появился совсем недавно.

В специальной литературе существуют разные мнения по поводу начала глобализации. Некоторые ученые считают, что глобализация была чуть ли не с начала развития человечества, другие относят ее возникновение к эпохе открытия новых земель, развития промышленности и т. д. Я не буду останавливаться на этом споре. Но возникает вопрос: если это столь давний феномен, то почему же мы термин-то изобрели только сейчас? Слово «глобальный» было известно и раньше. Так, уже в 1950–1960-х годах возникли глобальные проблемы, от которых, по идее, только один шаг до осознания глобализации. Но этого не произошло до 1990-х годов. Глобализацию часто путают с интеграцией, интернационализацией и другими процессами, которые всегда были и продолжают развиваться параллельно с ней, но это разные явления.

На чем же основывается глобализация, что ее наполняет? Очевидно, что речь идет о западных ценностях, провозглашенных в 1980-х годах Р. Рейганом и М. Тэтчер. Суть заявления политиков сводилась к тому, что достаточно ввести рыночную экономику в государстве, и это решит все проблемы. Развитие западного общества доказывало (до определенного момента), что рыночная экономика практически панацея. Но так было лишь до азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов, когда всем стало ясно, что и у рыночной экономики есть проблемы. Сегодняшний кризис окончательно убеждает, что рыночная экономика несовершенна, что должно быть что-то еще.

Стратегия глобализации основывается на концепции «вестернизации» с ее главным принципом *West and Rest*, то есть Запад и весь остальной мир, который в свою очередь базируется на забытой или умышленно не упоминаемой концепции «золотого миллиарда». Но если термин «глобализация» мы в официальных документах встречаем, то определение «золотой миллиард» в них отсутствует, и это понятно. Здесь мы тоже видим подмену. В 1974 году была принята резолюция Генеральной ассамблеи ООН, которая напрямую устанавливала новый экономический порядок, учитывающий интересы развивающихся государств. Однако в резолюциях ООН 1990-х годов исчезают даже термины, касающиеся суверенитета над природными ресурсами тех или иных государств, потому что большая часть природных ресурсов находится в развивающихся странах, тогда как эксплуатируют их развитые государства.

Вряд ли можно говорить о регулировании глобализации — это объективный процесс, он существует независимо и проявляется в различных сферах. В глобализации есть существенные позитивные моменты, и прежде всего это развитие торговли, рынка; она является некой гарантией стабильности и отсутствия войны. Регулируемая, или закрытая, экономика ведет к противоречиям, как пиар, реклама и реальная информация. Подменяются ценности — достоинством человека становится не то, что он собой представляет, а то, чем владеет. Все это последствия глобализации, ее гуманитарный аспект.

Право, несомненно, повлияло на глобализационный процесс. Оно способствовало развитию международных экономических организаций, и прежде всего Международного валютного фонда и Всемирного банка; глобального финансового рынка; внедрению через Всемирную торговую организацию изменений в отношениях между государствами, направленных на увеличение толерантности, отсутствие дискриминации, уважение национальных культур и т. п. Все это создает основу для распространения экономических механизмов, ведущих к глобализации.

Важно вспомнить и интересное совпадение: примерно в одно время, на рубеже 1990-х годов, произошли глобальные трансформации в противоположных частях мира. Во-первых, Интернет — до этого засекреченная военная сеть — стал общедоступным. Во-вторых, произошло падение «железного занавеса» и развал Советского Союза, то есть 1/6 часть суши, которая ранее существовала по своим правилам, начала действовать в соответствии с едиными мировыми экономическими законами. Таким образом, рыночная экономика была распространена практически на весь земной шар. На мой взгляд, это и стало тем качественно новым явлением, которое получило название глобализации. Поэтому отгораживаться от глобализации по той причине, что она основывается на западных ценностях, конечно, смысла не имеет. Это реальность, которая существует независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Что же дают нам западные ценности? С моей точки зрения, нельзя относиться к ним пренебрежительно, поскольку ценности — это не то, что навязано, а то, что воспринято как ценность. Безусловно, западный мир создал структуру мировой экономики, и теперь эту форму можно и нужно, наверное, наполнять какими-то национальными смыслами. Государству надо активно участвовать в глобализации, влиять на ее течение, а не пугаться или стараться ее «отменить». Невозможно избежать встречи с неизбежным.

Х. Н. БЕХРУЗ: — Как Вы считаете, в результате глобализации может ли формироваться глобальная правовая система?

А. А. МОИСЕЕВ: — Я еще раз подчеркиваю, что глобализация — это не правовое явление как таковое. Существуют общие тенденции развития права, в том числе и международного, которое условно ближе к новому мировому порядку. Исходя из последних событий, можно утверждать, что в системе международного права произошли действительно принципиальные изменения. Самое яркое и «трагическое» из них, на мой взгляд, кроме традиционного сопоставления принципа территориаль-

ной целостности и принципа самоопределения народов, это отказ от принципа суверенного равенства. «Трагическое» в соотношении с моралью, но мораль — не правовая категория, поэтому такое изменение возможно. Отказ от принципа суверенного равенства, на мой взгляд, скорее всего будет в пользу права силы, конечно, под эгидой развитого института прав человека. Это лишь прогноз. Сейчас известные события обосновываются тем, чего в праве нет, то есть находятся вне правового поля.

Глобализация же — это способ ведения экономической деятельности, который распространился по всему миру и не имеет отношения к праву.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, высказывается точка зрения, с которой необязательно соглашаться. Для профессора Моисеева только экономика относится к глобализационному процессу, все остальное — его последствия...

А. А. МОИСЕЕВ: — Предпосылки и последствия.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Складывается впечатление, что точка зрения, которую Вы отстаиваете, — Ваша собственная, но, может быть, у Вас есть предшественники? Кто для Вас является авторитетом в России или за ее пределами?

А. А. МОИСЕЕВ: — Я не отказываюсь от авторитетов, и любая точка зрения для меня важна. Изучая тему глобализации, я обнаружил большой разброс мнений и составил собственное.

С. В. ПОЛЕНИНА: — Вы сказали, что когда не стало Советского Союза, глобализация (в вашем понимании чисто экономическая) победила. Понятно, что применительно к нам произошла именно экономическая глобализация. Из этого были сделаны некоторые выводы. Например, Фукуяма считал, что наступает конец истории. А чем отличается Ваша позиция? Может быть, Вы согласны с Фукуямой?

А. А. МОИСЕЕВ: — Как я уже говорил, я исходил из того, что новое явление связано с возникновением новых предпосылок. Развал Советского Союза явился исторической предпосылкой для рождения качественно нового явления, коим и стала глобализация. К тому же это совпало с появлением Интернета. И эти два наиболее ярких фактора кардинально изменили мир.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — У меня три тезиса.

1. Символично название Чтений и цикла конференций, которые здесь проводятся. Чтения посвящены, как я понимаю, культурологическим аспектам права.

Право, с моей точки зрения, отражает одну из сторон жизни общества и в свою очередь обусловлено культурой. Экономика, политика и вообще все, что имеет культурное измерение, обуславливает право, влияет на него. Поэтому не существует явлений, которые были бы в чистом виде правовыми. Например, уголовный процесс, как доказали в США, напрямую связан с экономикой, уровнем образования судьи, местом, где он сформировался как личность, и т. д. Есть здесь и гендерный аспект: судьи-мужчины относятся к правонарушительницам мягче, чем судьи-женщины.

Содержанием культуры, на мой взгляд, является человек, поэтому культура и антропология сближаются. Но человек — существо, обусловленное историей и спецификой той культуры, которая в данном социуме доминирует, поэтому якобы «универсальные» ценности (в этом я

соглашаюсь с предыдущим оратором), например западные, — именно западные, которые выдаются за универсальные. С этим, наверное, кто-то может и не согласиться, и я не считаю данное утверждение неоспоримым.

Субъект права — это всегда человек, который идентифицирует себя с правовым статусом. Коллективный субъект права — это тоже человек, но идентифицирующий себя с коллективом и от его имени вступающий в правоотношения. Коллективный субъект права не может вступить в правоотношение коллективным составом, это делает его представителем. Догматический подход к праву должен быть дополнен культурологическим содержанием, потому что нормативно-правовой акт реализуется опять-таки через человека, который отягощен спецификой ценностей, менталитета и субкультуры, к которой он принадлежит, что в условиях глобализации немаловажно, и т. д.

2. Правовая реальность, как и социальная, конструируется. Например, общественная опасность как содержательный признак преступления — это объективная данность или субъективный момент? Французские ученые много об этом пишут, утверждая, что социальная реальность конструируется. Но мне представляется, что это конструирование всегда ограничено определенными рамками. Все социальные институты — это представление общества о том, что на сегодняшний день считается общественной опасностью. Поэтому преступлений, по сути, нет. Об этом хорошо написал профессор Яков Ильич Гишинский в своей «Криминологии» (2002). Например, умышленное убийство в некоторых ситуациях может не квалифицироваться в соответствии со ст. 105 УК, то есть как умышленное убийство. Возможно, это самооборона.

3. В условиях глобализации наблюдается доминирование не только западных ценностей, но и западных институтов, образа жизни и т. д. Однако в некоторых сферах происходит и обратный процесс — локализация. В связи с этим мне представляется интересной программа, разрабатываемая мультикультуралистами, хотя и в ней много спорного. По их убеждению, субкультурам должна быть предоставлена как можно более широкая автономия во всех вопросах, кроме тех, что важны для всего общества. Интересно, что современная практика уголовных судов США учитывает момент мультикультурности. Я не хочу сказать, что это решение всех проблем, но в условиях локализации, которая, как мне кажется, очевидна, в вопросах сегментации общества мультикультурализм пригоден как один из вариантов.

М. Б. КАСЕНОВА: — Скажите, пожалуйста, есть ли какие-то ценности, которые могут объединить все человечество, или мы обречены на конфликт, потому что нам незачем объединяться?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Это очень сложный для меня вопрос. Он относится к тому, что я называю трансцендентным основанием права, то есть выходит за границы права.

М. Б. КАСЕНОВА: — Я-то как раз считаю, что только право и может объединить, а за границами права мы будем разделяться.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Право самодостаточно. Если оно может обосновать себя, значит, оно должно быть самодостаточной системой. Подобных систем в природе не существует, поэтому право должно быть обосновано, например, с позиции общества. С моей точки зрения, единственным трансцендентным критерием является целостность, нормальное функционирование общества. Право —

это такие нормы, которые обеспечивают нормальное воспроизводство социума.

М. Б. КАСЕНОВА: — Но ведь и мораль обеспечивает нормальное воспроизводство социума.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Я помню ваши статьи по поводу морали и права. На мой взгляд, только та норма может быть отнесена к правовой, которая обеспечивает целостность. Например, этикет не обеспечивает целостность...

М. Б. КАСЕНОВА: — Я согласна с Вами. В целом право может объединить цивилизацию.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Может. С помощью тех норм, которые необходимы для выживания. Маленькая ремарка об относительности. На мой взгляд, все объективно и субъективно одновременно — нет только объективных явлений, как нет и только субъективных. Все объективное включает субъект, — в социальном мире без субъекта ничего нет.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги! Тема моего выступления — «Национальное законодательство и пространство наднациональной законности в условиях глобализационного процесса».

Должен сказать, что я не согласен с профессором Моисеевым в том, что глобализация — это только экономика. Глобализация — это прежде всего культура. В основу культуры может быть положена глобализация, связанная с экономикой, религией, наконец, организацией каторжных поселений и т. д. Глобализация — это пересечение культур, наложение их друг на друга, процесс, который предполагает одновременно объединение и локализацию в рамках объединения.

Сегодня здесь уже произносился термин «наднациональное», но обычно коллеги-юристы употребляют слово «международное». Но ведь тогда субъектом международного права должен быть народ, а на самом деле им является государство. Тогда уж лучше «межгосударственное».

Почему критику вызвала категория «национальный»? Потому что мы путаем понятия «нация» и «национальность». В настоящий момент мы живем в эпоху национального государства, в котором не земля определяет государственность, а нация — носитель суверенитета. Что такое «национальное законодательство»?

1. Систему национального законодательства можно рассматривать в четырех смысловых контекстах.

Во-первых, в качестве системы официально установленных, предписываемых, санкционируемых, общеобязательных норм поведения. В данном случае законодательство предлагается рассматривать как локальную общность нормативно-правовых актов, издаваемых (признаваемых и ратифицируемых) государством (а также негосударственными структурами, наделенными полномочиями делегированного нормотворчества) и действующих в пределах государственной юрисдикции.

Во-вторых, в качестве иерархической конструкции («пирамиды законодательных актов»), задающей критерии соотношения и соподчиненности действующих нормативно-правовых актов, образующих материально-правовую основу законодательной системы. В данном случае признанные и ратифицированные международные договоры являются частью национального законодательства, хоть они и называются по-другому.

В-третьих, в качестве механизма законодательной деятельности, объединяющей нормативную, организационную, инструментальную (компетентностную) и функциональную составляющие. В таком понимании систе-

ма национального законодательства — это совокупность институтов и процессов, характеризующих законодательство и как законодательный процесс (форму юридической деятельности, направленной на разработку законопроекта, принятие закона и его внедрение в систему законодательства), и как формальный результат этого процесса — нормативно-правовой массив, объединяющий действующие законодательные акты.

В-четвертых, в качестве системы законодательных актов, регламентирующих межнациональные отношения, а также принимаемых и действующих в рамках национальных субъектов, если они существуют.

2. Законность представляет собой одновременно принцип и режим правового регулирования. В первом случае речь идет о приоритете не абстрактного закона, а юридической формы и процедуры, закрепляемых в законе, по отношению к целесообразности, обусловленной субъективной мотивацией принятия властных решений в условиях изменяющейся политико-правовой реальности. Как только мы говорим о процедуре, возникает вопрос оснований. На каком основании планируются операции по уничтожению лидеров бандформирований? На каком основании генерал может принять решение об уничтожении воздушного судна, якобы захваченного террористами? Если даже было принято ошибочное решение, мы уже никогда не узнаем об этом, потому что это тайна за семью печатями. Законность — это приоритет юридической формы и процедуры над государственной целесообразностью, какими бы позитивными аргументами это не объяснялось. Во втором случае законность рассматривается в качестве инструмента установления и охраны правопорядка, характеризующего состояние существующей политико-правовой реальности. В этом понимании можно говорить о законности равно правопорядке применительно к сталинскому, советскому, нацистскому или иному режиму. Формально законность соблюдалась, люди действовали в рамках соответствующих законов.

Глобализационные процессы обуславливают двуединство векторов развития национальных систем законодательства, находящихся в состоянии конкуренции — кооперации. Подобная двойственность обуславливает необходимость формирования специфического межгосударственного пространства наднациональной законности, в рамках которого вырабатываются общие принципы мирного сосуществования стран и народов, а также определяются средства и методы разрешения правовых коллизий и конфликтов, возникающих в процессе межкультурного взаимодействия. Здесь я полностью согласен с профессором Бехрузом, который говорил о том, что никакой системы общего международного права, скорее всего, никогда не будет.

3. Взаимодействие национальных законодательных систем в рамках пространства наднациональной законности актуализирует проблему правового регулирования (ни о каком общем правовом регулировании, я думаю, речь никогда идти не будет, а правовое регулирование возможно), представляющего многоуровневую систему, объединяющую разноуровневых субъектов и разноуровневые нормативные массивы (международное право и национальное законодательство). В основу правового регулирования может быть положено признание общезначимости правовых регуляторов на уровне правовой психологии и правовой идеологии, а также их результативное воздействие на поведение вовлеченных в соответствующие правоотношения субъектов. Здесь согласен и с профессором Графским, и с профессором Честновым, когда они говорят о диалоге культур как о взаимодействии разноуровневых культур, которые в любом случае будут взаимодействовать, конфликтуя или сотрудничая.

А. А. МОИСЕЕВ: — Когда Совет Безопасности ООН принимает решение о применении силы в целях обеспечения мира и безопасности, это регулирование или сорегулирование?

Р. А. РОМАШОВ: — Регулирование. Другое дело, когда сталкиваются системы. Но кто принял решение в рамках Совета Безопасности ООН? Раньше существовала двуполярная система, которая предполагала Советский Союз и Соединенные Штаты Америки как два центра силы, которые могли каким-то образом балансировать. В настоящий момент мы говорим, что есть один

центр силы — США, поэтому когда Совет Безопасности ООН принимает решение о применении силы, то это решение фактически принимают Соединенные Штаты Америки.

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья! Подведем итоги конференции, хотя чувствуется, что расходиться не хочется. Сегодня выступили 16 докладчиков (15 из которых являются докторами юридических наук), представители 3 стран, 6 городов, 11 вузов. Все доклады были исключительно актуальными, и то, что дискуссия разгорелась так ярко, лишнее тому подтверждение. Благодарю всех участников.